

Панельная дискуссия КАКУЮ МНОГОПОЛЯРНСТЬ МЫ ПРЕДВИДИМ

25 мая 2023 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции (<i>модератор</i>)
Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. И. ДЕНИСОВ	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам (Москва), первый заместитель министра иностранных дел РФ (2006–2013), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР (2013–2022)
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
Г. В. НАУМОВА	писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
М. САНАИ	старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, приближается традиционная часть программы Лихачевских научных чтений — уже много лет мы проводим здесь панельные дискуссии. Сейчас, я уверен, состоится очень интересная беседа людей, которые согласились подискутировать на тему, обозначенную достаточно конкретно: «Какую многополярность мы предвидим». Наше мероприятие транслируют в сети Интернет информационный портал Российской академии наук и медиагруппа «Россия сегодня», так что мы с вами в большом эфире, наша аудитория — от 8 до 15 тыс. человек.

Я хочу представить наших коллег, которые выступят сегодня на этой сцене. Дмитрий Олегович Бабич, журналист, обозреватель агентства «РИА Новости», член союза журналистов России. Дмитрий Олегович находится на самом остром информационных потоков, которые бушуют вокруг России. Чтобы вы понимали широ-

ту информационного поля, на котором происходит анализ публикаций в различных СМИ: Дмитрий Олегович свободно говорит на пяти языках и знает, что пишут средства массовой информации арабского мира, Латинской Америки, Китая — это все предмет его интереса. Дмитрий Олегович периодически выступает перед студентами нашего Университета, всякий раз демонстрируя высочайший уровень информированности.

Мехди Санаи, старший советник Министерства иностранных дел Ирана. Эта страна — особая древняя цивилизация, которая занимает огромное место в мировой культуре и истории и, конечно, имеет свое видение того, как себя нужно вести в этой жизни, и знает, что получается, если ведешь себя правильно или неправильно.

Игорь Иванович Бузовский, заместитель министра информации Республики Беларусь, один из ярких государственных деятелей дружественной нам страны.

Андрей Иванович Денисов, выдающийся китаевед, дипломат и друг Гуманитарного университета профсоюзов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам. С 2006 по 2013 год Андрей Иванович был первым заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, а с 2013 по 2022-й — Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в КНР. Андрей Иванович обладает совершенно уникальными знаниями о мировой политике.

Мария Владимировна Захарова, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России.

Михаил Викторович Шмаков, председатель Федерации независимых профсоюзов России, занимающий также высокие посты в двух крупнейших международных профсоюзных объединениях, член Государственного Совета нашей страны.

Алексей Анатольевич Громыко, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института Европы РАН.

Выдающийся французский философ и культуролог Оливье Рокпло.

Ну и, наконец, Ги Меттан — швейцарский политический деятель, культуролог, занимающий очень серьезные позиции в мире журналистики в Швейцарии и в совете, который курирует торговые отношения между Россией и Швейцарией.

Задача участников сегодняшней дискуссии — высказаться о том, что будет. Что было и что есть, мы теперь, после первой части наших Чтений, уже знаем, а вот что будет дальше? Все говорят о многополярности. В современном мировом пространстве первым этот вопрос поднял В. В. Путин в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности. В своем выступлении он тогда сказал, что однополярный мир не сможет существовать долго, ему на смену придет многополярный мир. Запад не поверил, слова нашего президента восприняли скептически, хотя речь его заметили. Теперь ее вспоминают, потому что сейчас все разговоры о многополярности превратились в дискуссии о том, что реально происходит и куда все это может привести.

Пожалуй, только Запад не согласен сегодня с тем, что мир движется в сторону многополярности. Всем остальным понятно, что это именно так. Есть несколько моделей дальнейшего развития событий, которые лежат на поверхности. Одна из них — Запад победит, снова всех построит, будет интриговать. Мы знаем, что за всеми реальными столкновениями или конфликтами, которые сегодня организует Запад, стоит, в первую очередь, сильнейшая в западном мире британская разведка. Так вот, Британия, опираясь на экономическую мощь Соединенных Штатов, всех поставит на место, вместе они выдернут из БРИКС Бразилию, уберут оттуда Индию, БРИКС развалится, и снова все вернется на круги своя. А Россию они тем или иным образом уничтожат. Вот это американская модель дальнейшего развития событий.

Есть другой вариант, о котором говорят политологи. Будет создано много региональных центров силы:

Китай, вокруг которого станут группироваться другие страны; Запад, который и так уже объединяет более 40 государств; Россия с определенной группой ориентирующихся на нее стран. Сейчас, правда, они не слишком на нас ориентируются, но это переходный период, за которым последует все-таки резкое усиление влияния России. Одним словом, крупными центрами силы станут Запад, Китай и Россия, возможно, кто-то еще, тут много разных прогнозов.

Мне доводилось слышать еще одну версию — ее лет 12–15 назад озвучил у нас на Лихачевских чтениях профессор И. Н. Панарин. Запад вообще не станет никаким центром силы, потому что Соединенные Штаты развалятся и на их месте появится около семи других стран. Пресловутый американский плавильный котел, в котором все нации превращаются в единое целое и отливаются в однородную форму, прекратит работать. С территории Соединенных Штатов исчезнет единый язык. Все, что их удерживало вместе, потеряет значение, и в итоге с Соединенными Штатами произойдет нечто похожее на распад Советского Союза. Версия профессора Панарина в свое время казалась весьма экстравагантной. Но ведь и перед распадом Советского Союза никому и в голову не приходило, что такое может быть.

Я беседовал со своими друзьями — ректорами в Соединенных Штатах, и один из них сказал мне: «Алекс, ты знаешь, мы уже ввели преподавание на китайском языке». И это не в Сан-Франциско, где огромная китайская диаспора, а в штате Флорида, чрезвычайно далеко от Китая, где очень долго преподавали на английском языке, на испанском, и вдруг стали преподавать на китайском. К чему в принципе могут привести подобные вещи, как не к развалу страны? Появляются разные национальные общности. Вместо объединения нации происходит размежевание. И происходящее с языком — один из первых признаков этого.

Впрочем, я вполне допускаю, что люди, собравшиеся сейчас на сцене, могут обрисовать нам совсем другие перспективы. Поэтому давайте я спрошу: могут ли наши гости, уважаемые коллеги, назвать еще какие-то обсуждаемые модели, кроме тех, что я перечислил? Первый вопрос к господину Ги Меттану: появится ли многополярный мир, и если да, то из каких полюсов он будет состоять?

Г. МЕТТАН: — Я уверен, что мир в любом случае будет многополярным. В нем может быть по меньшей мере пять или шесть полюсов: Соединенные Штаты как ослабевающая однополярная сила, Китай, Россия, Индия, Африка и как минимум Бразилия с Латинской Америкой.

Я считаю, что многополярность — это не только вопрос ВВП, географического положения или военной мощи. Все это, конечно, очень важно, но главное — желание и воля создать отдельный полюс многополярного мира. Без воли, без стремления полюс не сформируется.

Чтобы построить многополярный мир, необходимы независимые суверенные полюсы, обладающие способностью представлять потенциальную цивили-

зацию и культуру. Я не считаю Европу одним из полюсов, потому что она отказалась от своего суверенитета и стала вассалом Соединенных Штатов. В то же время мусульманские страны, бесспорно, имеют огромный потенциал для создания сильного полюса, потому что у них есть суверенитет, но главное — желание и воля сохранять свою суверенность и способность предложить миру свой вклад в культурное и цивилизационное наследие. При этом мусульманский мир сам по себе многополярен. Есть Иран, который может претендовать на роль полюса многополярного мира, но также есть Турция, Саудовская Аравия, Пакистан, Индонезия... Это отдельный многополярный мир внутри глобального многополярного мира.

За последний год Россия разрушила однополярность с доминированием Соединенных Штатов и сейчас идет по пути создания многополярности. Эта способность — проявленная воля — помогла другим потенциальным полюсам многополярного мира набраться смелости и заявить о себе на мировой арене, и это стало большим шагом, результаты которого мы видим год спустя.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пожалуйста, господин Оливье Рокplo, Ваше мнение.

О. РОКПЛО: — Я думаю, то, что происходит в настоящее время в Европе, особенно важно. Ситуация там день ото дня все сложнее. Мне кажется, что США с Англией пытаются просто поглотить Евросоюз, чтобы создать западную сверхдержаву. Кроме этой возможности, которую я называю Еврамерикой, я вижу перспективу для России, которая надолго станет великой державой, создав очень интересные и долгосрочные отношения с Ираном, Индией, Китаем и т. д. Китай, конечно, уже сейчас гигант. Сам по себе он может влиять на весь мир. Затем надо очень внимательно смотреть на то, что происходит в Турции. Она, конечно, тоже может стать великой державой. Одним из полюсов может стать и Иран. И Латинская Америка пока еще не проявила себя в полную силу в международных отношениях. Относительно Африки пока не могу сказать, что с ней будет. Еще есть великая страна Япония. Станет ли она частью великой Еврамерики или независимой державой? Об этом тоже пока рано судить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Алексей Анатольевич Громыко, прошу Вас.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я думаю, что рассуждать о центрах силы в XXI веке надо имея в виду, что эти центры, которые претендуют на роль лидеров, должны быть масштабными, с большими ресурсами, профессиональной дипломатией, спецслужбами, военной мощью и, конечно, сильной экономикой. Поэтому вначале я бы выделил те центры силы, которые могут быть сами по себе, потому что возникнут и центры силы, играющие на маневрировании. Я думаю, что в ближайшие годы и на несколько десятилетий вперед в первую пятерку войдут Китай, Россия, Соединенные Штаты и Индия. Уверен, что лег через пять-семь мы будем

говорить об Индии так же часто, как сейчас о Китае. И я думаю, что появятся новые центры силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там есть потенциально сильные точки роста: Индонезия, Вьетнам. У Африки, несомненно, большое будущее. Мы видим, что сейчас в Африке происходит почти то же самое, что происходило в последней трети XIX века: борьба за умы и кошелки людей.

Но есть и центры силы, скажем так, второго ряда. Они еще могут выйти вперед либо остаться в тени ведущих центров силы XXI века. В континентальной Западной Европе есть страны с великой историей, которым генетическая память не даст забыть, что в свое время они были могучими империями. В Штатах же не смогут вернуться на позиции философии западноцентризма, основанного на признании европейских союзников равными Америке. Несмотря на все, что происходит, я по-прежнему считаю, что подспудно продолжается стратегическая расстыковка между США и их союзниками в Европе. Штаты пытаются переложить на Европу все большее бремя тех или иных функций. И для США — это прописано во всех доктринальных документах этой страны — системным противником на десятилетие вперед является не какая-либо из западноевропейских стран, а государство в Восточной Азии — Китай. И США сейчас системно проводят такую политику, чтобы воспроизвести по отношению к Китаю трафареты холодной войны, которые, как они считают, привели к их победе над СССР. Впрочем, по моему мнению, очень мало шансов на то, что это у них получится во второй раз. Так что повторю: будущие центры силы — это Россия, Китай, США, Индия и потенциально — Европа, Турция, Мексика, Бразилия и Индонезия. И если вы посмотрите, какие места занимают страны, которые я перечислил, в мировой таблице о рангах, то по таким показателям, как доля в мировом ВВП по текущему курсу, доля ВВП по паритету покупательной способности, доля ВВП на душу населения по текущему курсу и так далее, все они будут в числе первых 10–15. А если сравнить текущее положение дел и то, что было 20 лет назад, то страны, которые не относятся к традиционному Западу и традиционному Незападу, идут вверх чем дальше, тем быстрее. У тех же, кто привык в XX веке считать себя впереди всех, — либо стагнирующее развитие, либо рецессия. И это мы с вами будем наблюдать в текущем году. Буквально сегодня я прочитал, что данные первого квартала 2023 года по Германии показали снижение промышленного производства в стране, то есть по всем законам экономической метрики эта страна технически уже находится в рецессии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я бы сделал одну ремарку на полях выступления господина Громыко. Я не являюсь экономистом, но по мере того, как я наблюдаю за ситуацией с подсчетом экономической мощи стран, их валового продукта и тому подобного, у меня складывается впечатление, что весь мир стал жертвой грандиозной мистификации, в ходе которой не очень богатые страны выдают себя за очень богатые, не очень преуспевающие — за очень преуспевающие. Мне до-

велось несколько лет работать над книгами в соавторстве с академиком О. Т. Богомоловым, одним из самых крупных и ярких специалистов по мировой экономике, и он мне как-то рассказал, что президент Франции Н. Саркози пригласил двух нобелевских лауреатов, чтобы те помогли ему разобраться, как надо считать ВВП. Его совершенно не устраивала методика, по которой считали валовый продукт Франции. И я с тех пор прочитал очень много статей, в которых утверждается некорректность этой методики. Есть, правда, и другие мнения. Например, академик А. Д. Некипелов, наш Почетный доктор, утверждает, что все в порядке, у нас очень хорошие методики.

Но давайте попробуем разобраться в том, как считается валовый продукт. Скажем, где-нибудь в Астрахани выращен арбуз, который потом через вереницу перекупщиков попадает в Петербург и продается на рынке или в магазине. Какая часть стоимости этого арбуза относится к ВВП? Первая исходная себестоимость? Через какое количество накруток мы ее считаем — через три? через пять? А давайте посмотрим, что происходит с сексуальными услугами в Таиланде. Если их учесть при подсчете ВВП, Таиланд может резко вырасти в мировую державу с мощнейшей экономикой. А услуги, которые оказывают друг другу индустриально развитые страны Запада? Они же составляют огромную часть экономики. Более того, похоже, что эти страны ничем другим не занимаются, кроме того, что крадут у другой части мира деньги, на которые после оказывают себе услуги. Это же по сути воровская экономика! Мы все видели таблицы по госдолгу, в которых одни страны Запада. То есть по своему валовому продукту они впереди планеты всей, но одновременно они же лидеры и по государственному долгу. Номер один — это Соединенные Штаты, и дальше еще 25–30 стран. Такое впечатление, что это действительно огромная глобальная афера. Запад уверяет нас, что у него есть какая-то монополия на эффективное производство. А мы уже давно видим, что в Китае производство намного эффективнее. Запад утверждает, что у России 1,8 % мировой экономики, но при этом там что-то очень похожее на крах, а у нас в целом ситуация достаточно стабильная. Я сомневаюсь, что у нас 1,8 % мировой экономики. Я все же думаю, несколько побольше.

Словом, страны ранжировать можно, но у меня все больше сомнений. Когда помотришь на карту — понятно, кто крупнее, а вот когда речь идет об экономике, стабильности, устойчивости, здесь ситуация совсем другая.

Михаил Викторович Шмаков, прошу Вас.

М. В. ШМАКОВ: — Для начала я откликнусь на Вашу ремарку, Александр Сергеевич. Хочу сказать, что для разных методов и целей анализа нужно брать разные факторы. Во-первых, с моей точки зрения, многополярность, конечно же, будет, развитие не остановится на однополярном мире. Во-вторых, если не погружаться в глубины прошлого, а взять только XX век и начало XXI, то у нас ведь и тогда мир был многополярным. Существовали различные суверенные госу-

дарства со своими интересами, заключавшие между собой альянсы. Сейчас общепризнано, что после Второй мировой войны мир стал двухполярным. Но, собственно говоря, двухполярность — это уже не однополярность, а многополярность, ведь что значит «много»? Сколько это — два или десять? Вопрос относительный. Ну и, в-третьих, использовать при рассмотрении нашего вопроса такие критерии, как экономика со всеми ее показателями, территория, численность населения, вооруженные силы и тому подобное, — безусловно, правильно. Но я считаю, что необходимо учитывать и такой фактор, как философия развития.

Философия развития — разная. В принципе, грубо можно выделить два ее основных вида. Есть трудовая философия развития, которую проповедуют государство, цивилизация, конгломерат стран, из чего и вытекает то, о чем вы сказали: при подсчете ВВП по определенным методикам услуги накручиваются, но на самом деле учитываются, и вообще производится конкретный физический, натуральный продукт в разных направлениях. А есть философия потребления. Та самая, которая доминировала в однополярном мире под названием «глобализация» и преподносилась как самая главная философия, наиболее привлекательная для граждан всех стран. Но если присмотреться к философии потребления, то выяснится, что это модернизированный колониализм. Чтобы те, кто входят в условный «золотой миллиард», могли наслаждаться жизнью в государстве, где действует философия потребления, все остальные должны на них работать. Когда-то для этого захватывались рабы, сегодня это делается более мягкими способами, но экономический и жизненный смысл остается тот же самый. Философия развития государств будет сильно влиять на их притягательность, поэтому сегодня предсказывать, какие страны или регионы станут новыми центрами силы, новыми зернами многополярности, — все равно что гадать на кофейной гуще. Я в общем согласен с Алексеем Анатольевичем, назвавшем страны, которые с наибольшей вероятностью могут развиваться в центры силы. Но еще раз хочу подчеркнуть: если мы не будем учитывать философию развития, то можем ошибиться с прогнозом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Викторович. Вы затронули еще одну очень интересную проблему, которая имеет отношение к ценообразованию. Богата не та страна, которая больше производит, а та, которая более уверенно регулирует цены. Если Запад устанавливал цены, которые ему выгодны, оказывалось, что его вклад в мировую экономику намного больше вклада стран сырьевых, которые добывают нефть, древесину, еще какие-то материалы. А стоило странам, которые производят нефть, собраться и сказать: а давайте-ка мы разгоним цены, как вдруг оказалось, что в России в условиях санкций бюджет наполняется значительно быстрее, чем прежде. Вроде бы ничего другого не производили, даже меньше стали добывать нефти и газа, а экономика вдруг сделалась более успешной. Я все же сомневаюсь в том, что мы обладаем реальными способами измерить экономическую мощь страны, и думаю, что в мире существу-

ют огромные политические, подкрепляемые военными возможностями для того, чтобы Запад занимался спекуляцией на той части мировой продукции, которую он выдает, а всех остальных условно делал нищими, хотя они и производят, может быть, более существенные вещи.

Слово предоставляется Марии Владимировне Захаровой.

М. В. ЗАХАРОВА: — Я бы хотела отреагировать на пару реплик в сегодняшних выступлениях. Вы, Александр Сергеевич, завершая пленарную сессию, сказали, что науке еще только предстоит разобраться с термином «страна-цивилизация», поскольку он неоднозначен, хотя уже закрепился в нашем общественном дискурсе. Так ведь мы живем в эпоху, когда многие слова употребляются без привязки к их изначальной сути. Не кажется ли Вам, что тот факт, что мы наконец признались самим себе, что являемся страной-цивилизацией, является ответом на многолетнее неправомерное использование коллективным Западом термина «демократия» в собственных интересах без какой-либо привязки к сути этого слова? Ведь они приватизировали слово «демократия», извратив его суть, как приватизировали понятия «свобода», «права человека», что-то домонтировали, что-то придумали, объединили с историческими смыслами и выдали в качестве своей уникальной концепции, сами себя провозгласили исключительными и стали пытаться доминировать. Это во-первых.

Во-вторых, значение устоявшихся понятий действительно меняется. Я приведу только один пример, с которым нужно работать, — слово «народ». Мы настолько привыкли его использовать, что даже не задумываемся о том, что оно значит. Да, особого смысла в этом не было, все же понимали: есть страна, есть народ, все четко укладывалось в географические границы и некие исторические метаморфозы. Но что сейчас? Разве можно сказать, что народ определяется географией? Конечно, нет. А чем тогда? Ответить трудно. И, кстати говоря, все это имеет очень тесное отношение как раз к вопросам формирования центров многополярности. Это очень важная тема даже не для обсуждения — для изучения, потому что речь идет о совершенно новой политологической единице, которая сейчас должна вводиться в пространство.

Я приведу один пример. Понятие «терроризм» до сих пор не имеет единой международно-правовой квалификации, хотя, казалось бы, сейчас даже дети на улице скажут, что это такое (и, к слову сказать, во всех странах мира, потому что в этом смысле благополучия давно уже нет нигде). А международно-правовой дефиниции все еще не существует. Как ни пытались выработать общее понимание, сколько ни сближали позиции, а определения понятия по-прежнему нет. Почему? По целому ряду причин. Поэтому тут целый пласт, которым предстоит заняться.

И в-третьих. Александр Сергеевич, в Ваших выступлениях несколько раз прозвучало слово «мистификация». Я обращаю Ваше внимание на статью министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликован-

ную 18 июля 2022 года в газете «Известия». Она так и называется — «Об инсценировках как методе политики Запада». Там, правда, в большей степени геополитический смысл, но есть и финансовый, и экономический.

И следующий момент — ВВП, как его считать. Извините, а как подсчитать и вообще определить инфляцию? Мы же привыкли на бытовом уровне видеть эти показатели — «цифры инфляции». А что это такое, как она создается, почему возникает? Как представитель внешнеполитического ведомства, который озвучивает много материалов и работает со справками по разным странам, могу сказать, что в этих справках аббревиатура «ВВП» встречается на каждой странице, потому что это один из базовых показателей, как и товарооборот. Те, кто занимается политическими и внешнеполитическими вопросами, привыкли к этому. Но как насчет того, что связано с цифровыми валютами, с криптовалютой в блокчейне? Вы представляете, какие там объемы? Да многие страны никогда за десятилетия не достигали таких финансовых показателей, а это межгосударственные потоки, и их даже не назывешь особо криминальными, потому что у них пока нет правового основания для существования.

Мы живем в мире, в котором ранее существовавшие определения (то, что определяет нас в мире и мир вокруг нас, чтобы можно было друг с другом коммуницировать, причем речь идет не только о диалогах, но и о понимании, выстраивании отношений) необходимо инвентаризировать, «перезалить» смыслы, потому что глобально они уже не отражают того, что должны передавать. Практически каждое понятие имеет новый смысл, нежели тот, что вкладывался в него ранее. Приведу в качестве примера несколько раз прозвучавший в ходе дискуссии термин «биполярность», в котором, как мне кажется, отражается игра смыслов. Для современного молодого человека это слово имеет совершенно иной смысл, нежели мы вкладывали в него при обсуждении, и ассоциируется с биполярным расстройством личности.

Кроме того, хотела бы поднять вопрос о том, как определяется объем товарооборота между Россией и другими странами. Это происходит на основе цифр, которые приводятся в качестве официальных данных (информация из банков, налоговой инспекции, финмониторинга и пр.). Но широкая аудитория лучше знает объем товарооборота в сфере, которая не регулируется государством, и при этом ее мнение все больше претендует на статусность и определяющее значение.

Сегодня в ходе дискуссии в основном давалась оценка перспективам многополярности и анализировались новые мировые центры в их географической привязке. Считаю этот подход неправильным по нескольким причинам.

Первая причина — центры как таковые определяются не только географией. Например, такой центр, как Организация исламского сотрудничества, формируется не только по географическому признаку. Другой пример — Североатлантический альянс. Раньше в него входили страны Североатлантического региона, а сегодня — в том числе государства Восточной

и Западной Европы, включая страны бывшей Организации Варшавского договора. НАТО расширяется не только на Восток, теперь ставится задача — нивелировать смысловую нагрузку взаимодействия с Азиатско-Тихоокеанским регионом, предложив вместо него Индо-Тихоокеанское партнерство, и пр. То есть НАТО претендует на то, чтобы стать центром притяжения не только по географическому признаку.

Но в этом плане есть и конструктивные примеры. БРИКС тоже является центром, но не географическим, а геополитическим. Поэтому совсем необязательно привязывать подобные центры к географии. Это прежде всего смысловые центры (политические, финансовые и т. д.). То есть возникновение и развитие новых центров — это 3D-история, воплощающаяся не столько на плоскости, сколько в пространстве. Здесь уместно сказать несколько слов об искусственном интеллекте: он не будет заниматься подсчетом количества машин, его интересуют более сложные вопросы, в том числе построение новых геополитических центров.

Вторая причина, объясняющая, почему не следует учитывать географический принцип при оценке многополярности. Речь идет о критериях, но нужно рассматривать их не как заявление МИДа, а в качестве отправной точки для дискуссии. Базовый критерий многополярности — способность осуществлять суверенную внутреннюю и внешнюю политику, то есть независимость, возможность проявить себя в качестве истинного суверенитета, а не мнимого, достигнутого в ходе инсценировки. Если нарождающийся центр будет зависимым, его поглотят другие центры, которые будут оказывать на него влияние. Примеров — более чем достаточно.

Третья причина — это ресурсность. Этот вопрос не нужно схематизировать: если есть природные ресурсы — значит, центр, если нет — не центр. Это неокolonиальный подход. Ресурсность гарантирует социально-экономическую устойчивость, высокий уровень самодостаточности национального хозяйства и гуманитарной сферы.

Четвертая причина — наличие значимого в планетарном масштабе культурного потенциала. Речь идет не столько о развитой экспозиционно-выставочной деятельности, большом количестве музеев, спортзалов и тому подобном, сколько о возможностях реализации общества и человека. Эта причина напрямую связана с суверенитетом. Значима не навязываемая привнесенная культурологическая модель, а та, которая вызревала и традиционно присутствует на этой территории, где люди имеют возможность ее реализовывать.

Важна и способность проецировать вовне свою философию развития и видение международной политики, то, что сегодня называют созданием смыслов — возможностью продвигать в креативном созидательном ключе смыслы и идеи. Но сила этой созидательности не должна трансформироваться в навязывание культуры, что произошло с Западом, который сначала продемонстрировал блестящий пример цивилизационного развития, но потом начал навязывать свои ценности всем остальным. Речь идет о способности что-либо предложить миру, не навязывая. Любое навязывание,

как показала история, заканчивается самоуничтожением.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мария Владимировна, спасибо за блестящее выступление. Обращаю внимание присутствующих на то, что Мария Владимировна усилила наши сомнения в том, как проводятся расчеты, и назвала критерии, определяющие центры силы. Предложив при разговоре о многополярности не ограничиваться географией с границами стран, отметила, что многополярность может выстраиваться по другим принципам. Над этим я и предлагаю подумать. Андрей Иванович Денисов, Вам слово.

А. И. ДЕНИСОВ: — Хотел бы отреагировать на то, что было сказано коллегами. Как бывший старший экономист, работавший в Торговом представительстве СССР в Китае, я хочу выступить в защиту статистики, в том числе показателей валового внутреннего продукта. Статистика — это серьезная часть экономической науки, включающая многочисленные методики, поправочные коэффициенты, коэффициенты эластичности и пр. Но я согласен с Марией Владимировной в том, что надо оценивать не цифры, а то, что вокруг.

Теперь о качестве прогнозов и вообще о прогнозе как проявлении научного подхода в предвидении будущего. В то время, когда Олег Тимофеевич Богомолов возглавлял Институт международных экономических и политических исследований РАН, я учился в аспирантуре (40–45 лет назад). Именно тогда в руководящих кругах возникла идея составить долгосрочный прогноз развития Советского Союза (на 25–30 лет), которую озвучили с высоких трибун. В узком экспертном сообществе Олег Тимофеевич сказал, что все разговоры вокруг долгосрочных прогнозов — безответственная болтовня ответственных товарищей. Поэтому относиться к прогнозированию надо осторожно, тем более сейчас, в эпоху зашкаливающей турбулентности. Иногда прогнозы основаны на объективных показателях, а иногда так легла карта.

Изобретение парового двигателя и создание паровозов, строительство железных дорог и двигателей внутреннего сгорания перевернули мир и вызвали цивилизационный шок, который длился многие десятилетия. Мария Владимировна сказала об искусственном интеллекте, сюда же можно отнести цифровизацию, информационно-коммуникационные технологии, пандемию, климат, космос и пр. Так, в химической науке сейчас совершаются тектонические перевороты. Мы не знаем, что будет, а это затрунждает взгляд вперед.

Тридцать лет назад закончилась холодная война и началась эпоха монополярности, которая длилась 30 лет. Первой против нее восстала наша страна. Это произошло в 2007 году — с выступления президента В. В. Путина на Мюнхенской конференции. Владимир Владимирович, рассуждая о гегемонии, задал с трибуны сидящему в первом ряду сенатору Джону Маккейну, американскому ястребу, вопрос: «Ну кому это понравится?» Это никому не нравится, в том числе global majority, которое возникло сейчас на основе разрушающейся монополярности.

Второй вопрос Владимир Владимирович задал семь лет спустя (2015) с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Перечислив все кризисы (Ирак, Ливия, Сирия, Югославия), в которые ввергла человечество западная группа стран во главе с США, он задал вопрос: «Вы хоть понимаете теперь, что натворили?»

Я перевел этот вопрос на английский язык и задавал его в разговоре с партнерами, пока это было возможно, работая за рубежом. И никто не смог на него ответить. Все это напоминает ситуацию, когда президента Байдена в Японии на саммите «Большой семерки» спросили о Хиросиме: «Будете вы приносить извинения или нет?» Он ответил: «Нет, извинения приносить не будем».

И еще несколько слов о переходе от монополярности к многополярности. Многополярность сегодня — не более чем тренд, причем едва обозначившийся. Путь от монополярности к многополярности займет у человечества, если не будет ядерной войны, несколько десятилетий, а может быть, и весь век. Потому что это сложный и многомерный процесс: возможны и откаты назад, и факторы, которые мы не можем предвидеть из сегодняшнего дня. В настоящее время мы имеем дело с тотальной разбалансировкой мировой международной системы и слабостью институтов глобального управления. Одни европейские международные структуры вырождаются (даже ООН в какой-то мере затронута кризисным процессом), другие — появляются и набирают силу. Это касается Организации исламского сотрудничества, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, которые находятся на подъеме, но им еще довольно долго идти до вершины.

В классификации британского историка Тойнби, посвященной развитию человеческой цивилизации, выделяется стадия создания предпосылок для взлета, за которой следует стадия плато. До плато мы еще не дошли и находимся в начале стадии создания предпосылок для взлета.

Эксперт МИДа Александр Дмитриченко высказал мысль, что на пути к многополярности мы, к сожалению, будем вынуждены пройти через эпоху бесполярности, когда многие потенциальные центры интеграции либо уже не смогут воплощать свои усилия, либо, наоборот, еще не наберут силу. Готовы ли уже упомянутые Китай и Индия к тому, чтобы взять на себя эту роль?

Я предложил бы вместо бесполярности использовать термин «недополярность» — более точная характеристика того, что происходит. На Западе есть государство *middle powers*, среднего уровня. То, что мы видим вокруг, — это борьба за выживание в условиях представительной буржуазной демократии, которая тоже выродилась. Те, кто сейчас приходит к власти на Западе, пытаются эту власть каким-либо образом удержать, отказываясь от своих предвыборных обещаний — это стало общим правилом — и нагнетая напряженность ради того, чтобы в условиях возросших рисков отказаться от демократического управления. Так, например, происходит в Польше, где рассматривается закон о возможности нарушения права частной собственности, священного для западной демократии.

Так легче управлять, когда под предлогом недопущения рисков можно отказаться от того, что действительно имеет отношение к демократии.

А как быть живущим здесь? После февраля 2022 года происходит осознание того, что главное для нас — это самодостаточность и самоопределение. Отчасти об этом сказала Мария Владимировна, упомянув термин «государство-цивилизация». Еще на излете советских времен и в постсоветский период мы куда-то стремились, хотели встроиться в общеевропейский дом от Атлантики до Урала, от Ванкувера до Владивостока. Но столкнулись с тем, что этого не хотят другие. Европа сплывается без нас, помимо нас, а сейчас еще и против нас. Что делать в такой ситуации? Выстраивать вокруг себя свое пространство. Я согласен с тем, что Россия — потенциально один из полюсов многополярного мира и, может быть, наиболее здравый с точки зрения осознания своего места в окружающей действительности. Но это осознание, к сожалению, дается нам дорогой ценой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Иванович, у меня к Вам еще один вопрос. Мы все знаем про успехи Китая, но я бы хотел услышать Ваше мнение — чего по большому счету хочет Китай в сегодняшнем мире?

А. И. ДЕНИСОВ: — Тот, кто жил в Китае или работал с китайскими коллегами, — как персонаж из популярной песни: вы можете выписаться из отеля «Калифорния», но никогда не сможете его покинуть. Так и Китай — вы навсегда останетесь связаны с этой страной.

Китайская модернизация последних десятилетий — это уникальный опыт в истории человечества. Причем это осознанная, просчитанная модернизация. Без ошибок, конечно, не обходится, но китайцы эти ошибки изучают, исправляют и стараются не повторять. Страна вышла на достойный уровень потребления: средний класс насчитывает уже примерно 400 млн человек. В Китае говорят об обществе среднего достатка, то есть уже не отдельные люди, а весь народ, в общем-то, достиг уровня нормального цивилизованного существования, практически избавившись от бедности. За последние 25–30 лет проблема бедности была решена для 700 млн человек, в том числе для 100 млн — за время руководства страной председателя Си Цзиньпина. Стратегическое развитие страны распланировано до 2049 года, когда будет отмечаться столетие образования Китайской Народной Республики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Андрей Иванович. Слово предоставляется Игорю Ивановичу Бузовскому.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Я согласен практически со всеми высказываниями, которые были озвучены ранее, — мы на одной волне ментальности, но в то же время проживаем эту часть жизни в процессе, что должно настораживать. Задав вопрос, быть или не быть многополярности/однополярности, мы в очередной раз говорим о процессе, а я хотел бы задать

вопрос о цели. Пока мы не поймем цель развития цивилизации и не определим направление движения, до тех пор мы будем спорить о механизмах этого процесса. Мы будем искать союзников и средства для реализации тех моментов, на которые реагируем ситуативно.

Сегодня один из таких критериев, начиная от психологии личности и заканчивая социологией более глобального общества, — успешность, параметры которой должна формировать культура, как и то, куда мы движемся.

У психологов есть понятие признания личности, которое требует эмоционального, личностного реагирования. Каковы сегодня критерии успешности? Это не милосердие и доброта, а возможность иметь хорошую машину, квартиру и т. д. Это не постулируемые вещи, но подразумеваемые, они являются мерилем того, что человека признали и оценили: ему заплатили, за счет чего он смог приобрести ту или иную материальную ценность. Это является неотъемлемой частью современного процесса, в котором имеет место и экономика.

Мы сдали позиции в духовно-нравственной сфере, теперь они не являются для нас определяющими. Человек может быть высокодуховным, высокоморальным, но это будет лишь приложением к тому, что он успешен по другим причинам. Для молодежи такие люди являются частью нашей культуры. Следует задать вопросы, кто сегодня влияет на молодежь и каким образом осуществляется влияние (в том числе за счет экономики).

Я разделяю мнение Марии Владимировны, что влияние можно оказывать с помощью средств массовой информации, пиара и используя соответствующий инструментарий. Сегодня у нас фактически отсутствует инструментарий, несмотря на то, что он является одним из факторов, определяющих многополярность либо однополярность. Отсутствие данного инструментария подразумевает наличие однополярного мира, который и в дальнейшем будет транслировать ценности, культурологические основы и приоритеты, существующие сегодня в глобальном формате.

Хотел бы подчеркнуть, что сегодня выступаю за нашу монополярность и настаиваю на том, что глобализм должен быть на нашей стороне. Но мы проиграли. Необходимо понять почему.

Сегодня число пользователей Интернета в Республике Беларусь от 7 до 85 лет составляет 85 % населения. Все они подвержены влиянию не нашей культуры, потому что мы не превалируем. Как только мы определим стратегии и целеполагание, то поймем, что средства сегодня должны вкладываться в развитие, а не только в производство товаров. Экономисты считают, что 75 % стоимости товара — это пиар. Сегодня этот момент является определяющим для продвижения. Китайцы могут произвести все — от скрепки до космического корабля. Но основная задача — продвижение мыслей, идей, культуры.

Сегодня не существует разделения на страны, чья культура будет доминировать. Нужна ли на данный момент политическая карта мира? Если мы поразмышляем над тем, кто сегодня влияет на геополитические процессы, которые происходят в разных странах, то это будет далеко не радужная картинка. Влияние осуществ-

вляют глобальные корпорации, банковский сектор, либеральные силы и пр.

Мне понравилась мысль одного из выступавших, что геополитические разрывы, которые сегодня происходят и которые нам следует осмыслить, лежат не в экономической плоскости. Как только мы это поймем, у нас появятся будущее, стратегия, и тогда возникнет однополярный мир, который приведет общество к развитию и созиданию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Мехди Санаи, Вам слово.

М. САНАИ: — Отвечая на вопрос, как будет выглядеть мир и каким будет миропорядок, хочу сказать, что старое мироустройство не отвечает современным потребностям и не соответствует реальности. Структуры старого миропорядка работают недостаточно эффективно. Но скоро ли возникнет новый миропорядок и возможно ли вообще новое мироустройство — это вопрос. Пока это только желание.

Сегодня наблюдаются попытки восстановления монополярного мира, хотя следует сказать, что он никогда не был создан. В 1990–2000-х годах предпринимались попытки его создания. Многие новые центры хотели бы создать новое мироустройство, основанное на многополярности. Оно в определенной степени уже существует, но официально не признается.

Выделяются три составляющие старого мироустройства: человек, страна и мир. Мир и страны существенно изменились, так же как и человек, хотя из трех элементов он меньше всего подвергся влиянию.

В завершение следует сказать, что старое мироустройство постепенно будет ослабевать, но продолжит существовать, хотя и будет менее эффективным. В ближайшем будущем новое мироустройство не появится, хотя правила игры изменились. Старое мироустройство было основано на системе государств-наций, и сейчас государства-нации — единый игрок международных отношений. Однако игроки из новых центров намного сильнее государств-наций, поэтому появились новые правила игры и игроки. Одному Богу известно, каким будет новое мироустройство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дмитрий Олегович Бабич, Ваша очередь.

Д. О. БАБИЧ: — Я бы хотел развить идеи, высказанные Марией Владимировной и Андреем Ивановичем.

Мария Владимировна сказала, что Запад приватизировал слова «демократия» и «права человека», я бы еще добавил слово «Европа». Сейчас, когда говорят «Европа», имеют в виду те страны, которые входят в ЕС. А Россия и Беларусь разве не Европа? Китайские туристы приезжают во Владивосток и Хабаровск, чтобы посмотреть Европу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В одной из своих работ академик Лихачев отметил, что вся Россия — это Европа от западных границ до Владивостока.

Д. О. БАБИЧ: — Если мы вернемся к истокам слова «Европа», то оно определяется просто: Европа — это христианский мир. Блаженный Августин был связан с Европой верой — христианством, хотя никогда не бывал в Европе, так как жил в Северной Африке.

Если говорить о цивилизациях, то следует вернуться на сто лет назад, в 1923 год, в колониальную эпоху. Независимая Османская империя в тот момент распалась, Китай пребывал в состоянии гражданской войны, поэтому их нельзя рассматривать в качестве независимых цивилизаций. Культурологи выяснили, что существовали три неевропейские, то есть независимые от Европы, цивилизации: российская, японская и эфиопская. В частности, император Эфиопии Хайле Селасие, которого нынешние растафарианцы считают одним из воплощений бога Джа, возглавил независимую цивилизацию, которую итальянцы попытались уничтожить в 1935–1936 годах, но у них не получилось.

Идеи Макса Вебера, по-моему, — это классический пример того, как может ошибаться человек с европоцентристским мышлением. В тот период, когда он писал свои работы (1905–1920), ведущими в экономическом плане были протестантские Англия и Германия, и Вебер создал целую теорию о том, что протестантизм способствует экономическим успехам. После Первой мировой войны вперед вырываются католические Франция и Италия. Как это объяснить? Хорошо, будем считать, что западное христианство создает хорошие условия. Но тут начинает расти Япония, затем Южная Корея, следом Китай. А потом ученые догадались обратиться к истории и увидели, что самый долгий период процветания среди европейских стран продемонстрировала Византия, точнее, Восточная Римская империя — православная цивилизация. Вот же как удивительно!

Многополярность была всегда, просто центры силы все время менялись. В настоящее время, как верно заметила Мария Владимировна, можно уже не принимать в расчет географическое положение. Потому что, например, с помощью современных финансовых инструментов, скажем свопов, даже торговля нефтью стала возможна между любыми странами.

А какие страны чаще всего выбирают в качестве экономических партнеров? Около пяти лет назад в разных странах был проведен опрос Гэллапа на эту тему. Оказалось, что большое количество стран в Африке и Латинской Америке все еще хотят торговать с США и Евросоюзом, Индия — прежде всего с Евросоюзом и Великобританией. Но в той же Африке есть страны, которые отдают предпочтение Китаю, а не Франции и Англии, а в Латинской Америке стран, ориентированных на Китай, больше, чем стран, выбирающих США. Страны Центральной Азии (бывшие союзные республики СССР) хотят торговать и с Россией, и с Китаем. В итоге вырисовывается следующая картина. Складываются два экономических блока — российско-китайский и западный. Во второй, скорее всего, войдет Индия, а вот Пакистан уже больше ориентирован на Китай. Но будет и третий блок — могучие страны ASEAN, которые сотрудничают с Китаем, но опасаются стать слишком зависимыми от него. Так же как

Польша знает Россию, но в российской орбите быть не хочет.

Все это начинает напоминать то, что произошло в XX веке, а именно — конкуренцию между социализмом и капитализмом, в результате которой выстроились две известные мировые системы, а как бы между ними остались так называемые неприсоединившиеся страны. Вот и теперь: российско-китайский контур, западный и третий контур стран ASEAN. Во всяком случае это то, что просматривается сегодня. Через десяток лет соотношение может сложиться совсем по-другому.

Думаю, что на Лихачевских чтениях уместно признаться в том, что в свое время под влиянием Дмитрия Сергеевича мое мировоззрение изменилось. Академик Лихачев считал, что марксизм — пессимистическое учение, потому что в нем утверждается, что все предопределено и детерминировано экономикой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Более того, он считал, что марксизм предполагает историческую обусловленность тех или иных процессов, где от человека мало что зависит. Выступая на одном мероприятии у нас в Университете, он действительно назвал марксизм пессимистическим учением. На самом деле нет доказательств, что в социальной сфере существуют объективные законы, действующие с фатальной неизбежностью. Будущее, которое нас ожидает, будет таким, каким мы его сделаем сами.

Д. О. БАБИЧ: — В свое время я был весьма впечатлен этой его мыслью. Но недавно решил перечитать работы Маркса и Энгельса. И с удивлением обнаружил, что они в свое время сделали прогноз на очень далекое будущее, предсказав те проблемы, с которыми мы столкнулись сейчас. Одна из таких проблем — вытеснение человека из рабочих процессов за счет все более совершенной техники. На наших глазах исчезают многие профессии, в том числе такая высокоинтеллектуальная, как профессия переводчика. К сожалению, идеи этих великих философов были восприняты в первую очередь Россией и Китаем — аграрными странами, которым тогда было очень далеко до замены человека машинами. Но что меня поразило больше всего, так это проблема отчуждения, о которой писали классики. Видели бы они, как выглядит эта проблема сегодня, когда все больше людей работают дистанционно.

В общем, трудно сказать, как будет выглядеть грядущая многополярность, но можно с уверенностью утверждать, что в каком-то виде она сформируется — со стопроцентной вероятностью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Напомню, что на Лихачевских чтениях тема кризиса Запада впервые была затронута примерно 20 лет назад. В частности, этот вопрос рассматривал один из самых выдающихся российских философов, академик Степин (к сожалению, уже ушедший из жизни). Он анализировал причины и суть кризиса и говорил, что Запад либо сможет преодолеть этот кризис, либо утратит свою былую роль в мире. Все эти годы я тоже проводил исследования и опубликовал целый ряд научных работ на эту тему.

Сегодня причины кризиса западной цивилизации, в общем, понятны. Соединенные Штаты Америки — самая высокоразвитая страна Запада — первыми «уперлись в стену», столкнувшись с исчерпанностью потенциала развития капитализма. Например, известно, что один из важнейших драйверов развития — рынок. Конкуренция, вынуждающая повышать качество продукции, снижать ее стоимость и совершенствовать технологии, была описана еще Карлом Марксом, но классического капитализма уже давно нет. А что вместо него? Архаичная модель государственных монополий, которые работают без всякой конкуренции, тем самым ограничивая возможности капитализма.

Другой драйвер развития — демократия. Канадский ученый Петр Дуткевич пишет, что на Западе демократия и рынок столкнулись в непримиримых противоречиях. Вообще-то демократия призвана предотвращать злоупотребления и ограничивать безудержное стремление бизнеса к прибыли, от которого страдают и общество, и окружающая среда. Но в итоге рынок в значительной степени подчинил себе демократию, а моральные категории отбрасываются бизнесом как бесполезные в деле зарабатывания прибыли. Выборные механизмы контролируются финансово-промышленными группами, и демократия оказывается по сути приватизирована ими.

Еще один мощный драйвер капитализма, который очень долго влиял на его успешное развитие, — свобода слова. Но сегодня это уже в прошлом. Потому что средства массовой информации тоже все скуплены толстосумами.

В России, правда, с самого начала существования капитализма было не лучше: все СМИ оказались в руках владельцев финансово-промышленных групп. Вот простой пример. Студенты часто задают вопрос: «Мы учимся в Университете профсоюзов, но при этом ничего о профсоюзах не знаем. Это реальная организация?» Я не раз рассказывал Михаилу Викторовичу. Но как это возможно? Двадцать миллионов человек являются членами профсоюзов, участвуют в их деятельности, платят взносы и, в свою очередь, получают помощь, когда она требуется. Но в общественном сознании профсоюзы отсутствуют! Почему? Потому что практически все СМИ прибраны к рукам крупным капиталом, а у профсоюзов есть одна газета «Солидарность». Члены профсоюзов читают эту газету, а остальное население страны получает информацию из источников, которыми владеют олигархи. Свобода слова исчезает, она приватизирована.

Наконец, еще один важный фактор — кризис элит, которые вырождаются, потому что воспроизводятся не по принципу продуктивности, а по каким-то ущербным алгоритмам. Вы только посмотрите, кто в США выдвигается на президентских выборах. Одни и те же лица, знакомые избирателям уже не первое десятилетие. Ни новых персон, ни свежих идей. А в Западной Европе вообще придумали потрясающий механизм. Если какая-то партия себя дискредитирует, как, например, в Италии, ее заменяет другая партия, которая создает наспех. У нас в стране в 1990-е годы такие фейко-

вые партии клепали десятками. Фейковая партия провозглашает популистские лозунги, за несколько месяцев взлетает на первые места в рейтингах и заменяет прежнюю партию. Потом выясняется, что по ключевым вопросам она своих позиций не заявляла, да и нормальная предвыборная программа у нее, оказывается, не было. Государственных деятелей фактически нет, остались политики, но и с ними тоже проблема. Олаф Шольц, Анналена Бербок не производят впечатления сильных лидеров, а итальянка Джорджа Мелона вообще темная лошадка.

Оливье Рокпло к нашим Читаниям написал блестящий доклад, в котором дал уничижительную, но точную характеристику современной западной элите. В связи с этим хочу задать ему вопрос. Господин Рокпло, как Вы полагаете, какой вариант из тех, что рассматривал академик Степин, реализуется с большей вероятностью? Сумеет ли Запад преодолеть постигший его кризис или все же он будет отодвинут на второй план другими, более пассионарными участниками мирового сообщества? Станет ли Запад одним из центров дальнейшего развития человечества?

О. РОКПЛО: — Думаю, что это зависит прежде всего от европейских политических элит, но, к сожалению, в Евросоюзе уже почти 50 лет продолжается даже не кризис, а разложение. А политические элиты ЕС не отличаются дальновидностью. Мне довелось с ними работать, и впечатление очень неприятное. Старшее поколение еще сохраняет какую-то мудрость, но новые лидеры не знают ни своего народа, ни окружающего мира и не находят нужным сохранять историческую память. Поэтому, на мой взгляд, они ведут Евросоюз к краху. Будет ли это означать конец западноевропейской цивилизации или все же произойдет ее возрождение — неизвестно. Но я могу сказать несколько слов о том, что случится во Франции. В последние годы мы наблюдаем интересную инициативу — движение желтых жилетов. Это по-настоящему народные выступления, у них нет лидеров. Они начались в 2012 году и регулярно повторяются до сих пор. Правительство принимало жесткие меры для их разгона, но я считаю, что «желтые жилеты» дают повод для надежды, потому что в этом движении участвуют разные люди, в том числе идейные наследники коммунистической культуры в том виде, в каком она существовала до 1990-х годов, а также приверженцы философии голлизма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас перед нами выступит Галина Валерьевна Наумова — историк, культуролог, общественный деятель. Основной метод исследований госпожи Наумовой — общение с крупнейшими современными мыслителями: философами, культурологами, социологами. Ей даже довелось взять интервью у такой легенды нашего времени, как Клод Леви-Стросс.

Г. В. НАУМОВА: — Действительно, в последние 30 лет мне удалось посетить разные страны и встретиться со многими выдающимися мыслителями. Сре-

ди них были нобелевские лауреаты по литературе — Надин Гордимер из ЮАР и Воле Шойинка из Нигерии; известные философы Режи́с Дебре и Клод Леви-Стросс, и конечно, Сэмюэль Хантингтон, с которым мы провели много интересных бесед.

Что происходит с Европой сегодня? Две страны, в недавнем прошлом локомотивы развития — Германия и Франция — действительно находятся в плачевном состоянии. Напряженная интеллектуальная жизнь остается в прошлом (особенно это заметно в Париже), хотя Эдгар Морен в свои 102 года продолжает анализировать текущий дискурс, пишет и о России, и об Украине. Но это единичный пример, последний из могикан. Режи́с Дебре, чьи исследования еще недавно регулярно печатали на свои страницах *Libération* и *Le Monde*, давно ничего не публикует. Правда, продолжают выходить тексты глобалистов, таких как Бернар-Анри Леви,

но это не имеет отношения к французской национальной культуре.

И все же я вслед за Мореном, призывающим к реформированию мышления, продолжаю надеяться. Главное, что нам сегодня требуется, — сменить политику войны на политику мира, иначе человечество просто не выживет, исчезнет с лица земли. Необходимо искать ответы на многочисленные вызовы, с которыми мы столкнулись, — проблемы биосферы, климатическая угроза, кризис идентичности человека. Самая большая опасность — дегуманизация, последствия которой могут быть очень тяжелыми.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Благодарю всех участников за дискуссию, которая у нас сегодня состоялась. Будем двигаться дальше в осмыслении того, что происходит в мире.